

УДК 821.161.1

Сабадаш Н.П.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

**«НЕ ТО БЕДА, ЧТО ТЫ ПОЛЯК...»: РАННЯЯ РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА
Ф.В. БУЛГАРИНА «ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ»**

N. Sabadash

Lomonosov Moscow State University

**«IT'S NO DISGRACE THAT YOU'RE A POLE...»: EARLY CRITICAL
RECEPTION OF F.BULGARIN'S NOVEL «DIMITRY THE IMPOSTOR»**

Аннотация. В статье рассматриваются ранние отклики современников на роман Ф.В. Булгарина «Димитрий Самозванец». В ходе исследования проясняются причины предубежденности критиков против романа Булгарина. Делается вывод о том, что на восприятие «Димитрия Самозванца» повлияло не только несоответствие романа литературным запросам конца 20-х – начала 30-х годов XIX века, когда ожидали появления именно русского исторического романа, но также сложившаяся репутация и польское происхождение Булгарина. Обвинения рецензентов романа в национальной предвзятости автора не нашли подтверждений при анализе текста «Димитрия Самозванца».

Ключевые слова: Булгарин, литературная репутация, рецепция романа «Димитрий Самозванец».

Abstract. The article deals with the early critical reviews of the F. Bulgarin's novel «Dimitry the Impostor». The reasons for literary critics prejudice against Bulgarin's novel are revealed. We reached the conclusion that hostile reception of the novel «Dimitry the Impostor» was caused by several reasons. Firstly, the novel was inconsistent with what was expected of the Russian historical novel. Secondly, Bulgarin's novel was met with a frosty reception because of his literary reputation and his Polish origin. Our research doesn't support the opponents' accusations of Bulgarin's racial prejudice.

Key words: Bulgarin, literary reputation, critical reception of «Dimitry the Impostor»

В 1830 году после выхода романа М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) и романа Ф.В. Булгарина [22] «Димитрий Самозванец» (1830) русская литературная критика с одобрением встретила первый и плохо отозвалась о втором. Причиной поляризации мнений послужил ряд событий, произошедших на рубеже 20-х – 30-х годов XIX века.

С 1830 года сильно обострились отношения Булгарина и Пушкина, так как стала выходить «Литературная газета», в которой Булгарин видел соперника «Северной пчелы». Окончательный разлад между Булгариным и Пушкиным принесла публикация романа «Димитрий Самозванец», в котором современники находили заимствования из «Бориса Годунова», подозревая Булгарина в шпионаже [21, с. 18 – 24; с. 450 – 453; 6, с. 214]. **Данные события** повлияли на восприятие романа «Димитрий Самозванец» пушкинским кругом и предопределили характер написанных рецензий.

Кроме того, на оценку исторического романа Булгарина повлияли и те требования, которые предъявляли критики к этому жанру. Несмотря на то что Булгарин анонсировал появление «Димитрия Самозванца» как «первого русского исторического романа», ему не

удалось стать ни «первым», поскольку его опередил «Юрий Милославский» Загоскина, ни «русским», так как столь ценимую «народность» критики обнаружили в романе того же Загоскина, но никак не в «Димитрии Самозванце» [27, р. 21 – 28]. Булгарин написал не «русский» исторический роман, а роман, в котором отражён взгляд европейца на русских и русскую историю. Более того, по замечаниям современников, Булгарин и не мог написать русский исторический роман, потому что сам был поляком. В рецензиях этот факт был решающим и зачастую являлся причиной высказываемых обвинений в адрес самого автора и перечислений недочётов «Димитрия Самозванца».

Причиной предубеждённости авторов статей против Булгарина и его романа послужила сама личность Булгарина. К 1830 году Булгарин приобрёл репутацию журналиста-коммерсанта и писателя, не слишком разбирающегося в средствах для достижения популярности среди читателей. Например, рецензент из «Карманной книжки для любителей русской старины и словесности» пытается объяснить столь резкое отношение критики к новому роману Булгарина предубежденностью критиков против издателя «Северной пчелы»: «Порицать и хвалить безусловно легко может даже и самый последний из литераторов; но публика, в суждениях о произведениях Словесности, требует доказательств, строгой отчётливости; руководствоваться же, при разборе книги, отношениями личными и мстити, пользуясь сим случаем, есть дело постыдное и клеймящее штемпелем бесчестья перо Критика. И почему не похвалить *хорошего* даже в самом нашем непримиримом враге?» [10, с. 549].

Того же мнения придерживается и Погодин, в своём дневнике указавший, вероятно, на истинную причину плохих отзывов о Булгарине и его романе «Димитрий Самозванец»: «...совестно похвальное похвалить в таком подлеце» [3, с. 46]. В одном из писем Шевырёву Погодин писал: «“Димитрий Самозванец” Булгарина холоден, одноцветен,

но имеет прекрасно изображённые положения, много любопытных подробностей из старых книг, и все отрицают достоинства автора. Об нём говорят мало» [18, с. 138].

Во многих рецензиях, появившихся на два новых исторических романа, Булгарин не избежал сравнения с Загоскиным, на стороне которого была большая часть критиков. Данное сопоставление переходило и на страницы переписки. Пушкин в своём письме П.А. Вяземскому от конца января 1830 года сравнивает роман Загоскина с романом Булгарина: «Ты бранишь «Милославского», я его похвалил. Где гроза, там и милость. Конечно, в нём многого недостает, но многое и есть: живость, весёлость, чего Булгарину и во сне не приснится» [19, с. 425]. Во многих рецензиях как на роман Загоскина, так и на роман Булгарина авторы выстраивают шкалу ценностей, на одном конце которой помещают Загоскина, а на другом – Булгарина. Всё, что относят к полюсу Загоскина (увлекательность, живой слог, «русскость»), подаётся со знаком «+», всё, относимое к полюсу Булгарина (скука, испытываемая читателем «Димитрия Самозванца», искусственность слога, непонимание русского менталитета), оценивается отрицательно.

Погодин в одном из писем Шевырёву объясняет это следующим образом: «Роман Загоскина весь вышел в месяц и начинается 2-е издание. <...> Булгарина было почти ругательство на него, и все пришли в ужасное негодование. Противоположная партия даже нарочно славит Загоскина, чтоб уронить Булгарина» [18, с. 132]. Имеется в виду статья А.Н. Очкина, помещённая в «Северной пчеле» [17]. А.И. Рейтблат утверждает, что написание рецензии на «Юрия Милославского» не обошлось без влияния Булгарина: «...мы полагаем, что и Булгарин сыграл важную роль в подготовке рецензии, сообщив Очкину свои замечания об исторических ошибках и источниках у Загоскина» [5, с. 384].

Кроме самого характера личности Булгарина причиной для упреков, которые высказывались в адрес Булгарина, послужило его

польское происхождение [20, с. 157, 26, s. 13]. Национальность автора «Дмитрия Самозванца», обусловившая его предвзятость, по мнению авторов критических статей, так или иначе негативно сказалась на художественной ценности всего романа в целом.

Рецензия А.А. Дельвига на роман была резкой и полностью отрицательной: «Мы ещё более будем снисходительны к роману *Дмитрий Самозванец*. Мы извиним в нём повсюду высказывавшееся, пристрастное предпочтение народа Польского перед Русским. Нам ли, гордящимся веротерпимостью, открыть гонение противу не наших чувств и мыслей? Нам приятно видеть в г. Булгарине Поляка, ставящего выше всего свою нацию; но чувство патриотизма заразительно, и мы бы ещё с большим удовольствием прочли повесть о тех временах, сочиненную Писателем Русским» [7, с. 113].

О.М. Сомов один из недостатков «Дмитрия Самозванца» видит в искусственности языка романа: «... Г. Булгарин пишет так, как иностранец, который постиг механизм русского языка, т. е. знает правила расстановки слов, их взаимные отношения, связь периода...» [23, с. 69 – 70]. Рецензент «Атенее» утверждает, что автору удалось только польские характеры: «...зато как незначителен у Г. Булгарина Борис Годунов, который в руках Русского Вальтера Скотта мог бы стать наряду с гигантскими изображениями Английского писателя... Впрочем, должно отдать справедливость Г. Булгарину, что у него есть и множество мест прекрасных во второй книге, когда Лжедмитрий у Запорожцев; что живо нарисованы Иезуиты, вообще весь Польский быт того времени...» [25, с. 550 – 551]. В «Атенее» рецензия на «Дмитрия Самозванца» помещена без подписи, поэтому прямых указаний на авторство этой статьи у нас нет. Однако рецензент в «Московском вестнике» ссылается на мнение Шевырёва о языке романов Булгарина: «Слог чистой, и по большей части правильной, каким отличаются все сочинения Г. Булгарина; но, повторим слова Г-на Шевырёва, ему недостаёт разнообразия, теплоты, живости» [13, с. 191]. Ср. мнение рецензента в «Атенее» о

языке Булгарина: «Слог Г. Булгарина известен читателям Русских книг; он очень чист даже в Выжигине, самом дурном произведении автора, и, говоря откровенно, должно сознаться, что этот же самый слог вы найдёте и в Дмитрие Самозванце. Всё гладко, всё хорошей отделки. Но не одна гладкость и отделка составляют отличительную черту сочинений автора Самозванца; к сожалению должно прибавить ещё, что он в продолжении всего литературного поприща своего нигде не обнаружил той жизни, того яркого блеска речи, которыми должен отличаться истинно изящный писатель. Дмитрий Самозванец оправдал характеристику пера Г. Булгарина и с этой стороны: здесь та же вялость и мертвенность. Не таков в этом отношении Милославский Г. Загоскина, в котором везде видна деятельность, душа, хотя Г. Булгарин и щеголяет стройностью, обдуманностью, утонченностью вкуса, довольно опытного» [25, с. 549]. Кроме статьи в «Атенее» в мартовском номере, нет никакой другой рецензии, вышедшей ранее 28 марта 1830 г. (ц. р. номера «Московского вестника» со статьёй о Булгарине) и не подписанной, с обсуждением языка Булгарина. Поэтому, учитывая текстовые совпадения между рецензией в «Атенее», не подписанной, а также рецензией в «Московском вестнике» со ссылкой на мнение С.П. Шевырёва, можно предположить, что автором статьи о романе Булгарина «Дмитрий Самозванец» в «Атенее» был именно С.П. Шевырёв. Это утверждение подтверждает характер отношений между Булгариным и Шевырёвым, которые к 1830 году были уже крайне обострены, а также не противоречит тому, что в это время Шевырёв был в Европе (статьи в другие журналы он высылал по почте). Также нужно учесть, что редакция «Московского вестника» была хорошо знакома с Шевырёвым, так как до отъезда в 1829 году он был постоянным участником этого издания. Кроме того, есть свидетельства участия С.П. Шевырёва в «Атенее», хотя и не в качестве критика: «Из более известных поэтов в Атенее участвовали: Шевырёв, Вронченко, Раич, Тютчев, Ротчев» [12, с. 478].

Опровержением того, что автором статьи в «Атене» был Шевырёв, может служить следующий факт. По словам Ю.В. Манна, именно Шевырёв в 1828 году первым начал атаку в «Московском вестнике» против «Северной пчелы», написав «Обозрение русской словесности за 1827-й год» со следующей оценкой сочинений Булгарина: «Главный их характер – безжизненность: из них вы даже не можете определить образа мыслей в авторе» [15, с. 203]. Из этого следует, что Шевырёв ещё в 1828 году упрекал Булгарина в «безжизненности», поэтому автор рецензии в «Московском вестнике» мог сослаться и на рецензию Шевырёва от 1828 года. В этом случае автор рецензии в «Атене» остаётся нераскрытым.

Рецензент в «Карманной книжке для любителей русской старины и словесности», указывая на то, что в некоторых эпизодах автор романа субъективен, приводит пример: «Наконец скажем, что Польская храбрость слишком преувеличена на счёт Русского мужества. Нам больно было слышать, как, например, на Кремлевской площади два Поляка, Цециорка и Пекарский (см. часть IV), бьют, рубят, обращают в бегство целые толпы народа – и торжествуют! Кто этому поверит? и кто осмелится, не подвергаясь нареканию лжеца, укорить нас в постыдной трусости? <...> Заметим, сверх сего, что это не факт исторический, но одно только хвастовство и, следовательно, происшествие вымышленное. Признаемся, что, быть может, здесь мы несколько вышли из умеренного тону, приличного критике; но мы воодушевлены были благородным негодованием и чувством оскорблений народной гордости. Если *honor* дорог Полякам, *честь* не менее для нас драгоценна!» [10, с. 548 – 549].

Мнение о том, что в «Димитрии Самозванце» поляки показаны с лучшей стороны, чем русские, опровергалось как в современной Булгарину критике, так и литературоведами в позднейшее время. Например, автор рецензии в «Московском вестнике», вероятно споря с Дельвигом, указывает: «Говорят, что он

изобразил Поляков с лучшей стороны, чем Русских. – Это несправедливо» [13, с. 191]. В «Московском Вестнике» 1830 г. появились две рецензии на «Димитрия Самозванца» двух разных авторов: рецензия с подписью «У.» [24] и «Ещё несколько слов о Димитрии Самозванце» с подписью «W.W.» [13]. Первую из названных рецензий атрибутируют В.А. Ушакову [1, с. 268], [16, с. 180]. Вторую – М.А. Максимовичу [1, с. 264]. В «Словаре псевдонимов русских писателей» вторая из двух названных статей никак не атрибутируется, но даётся расшифровка псевдонима «W.W.», который приписывается М.А. Максимовичу [16, с. 340]. Подобная атрибуция вызывает вопросы, так как в альманахе «Денница» в «Обозрении русской словесности 1830 года», помещённом без подписи, в резко негативном ключе говорится о «Димитрии Самозванце» [14, с. XVII – XXI]. Автором статьи в альманахе является М.А. Максимович, что установлено в [9]. Остаётся непонятным, зачем М.А. Максимович выразил своё мнение по поводу «Димитрия Самозванца» сразу в двух статьях, помещённых в разных изданиях, причём с разной оценкой романа. Поэтому, вероятно, автором статьи «Ещё несколько слов о Димитрии Самозванце» в «Московском вестнике» был не М.А. Максимович.

М.Г. Альтшуллер постарался опровергнуть обвинения современной Булгарину критики: «Булгарин был одним из немногих русских писателей, в произведениях которого нет национальной спеси, ксенофобии, стремления возвеличить русских за счёт других национальностей. Он отмечает воинственность поляков, их любовь к битвам и отвращение к измене, обману и предательству. Но в то же время отмечает насилия и жестокости, чинимые польским сбродом в Москве после воцарения Лжедимитрия...» [2, с. 125]. Согласившись с этим утверждением, мы внесём некоторые уточнения и коррективы.

Действительно, в общем и целом в «Димитрии Самозванце» поляки изображены так же, как и русские. Однако в романе всё

же можно найти несколько примеров, подтверждающих, что обвинения современников не были беспочвенными. На протяжении всего романа Булгарин проводит мысль о нетерпимости русских к иноверцам и о суеверности русских.

Нетерпимость русских к иноверцам подчеркнута, например, путём изображения одного из обрядов во время царского приёма польских послов: «... на малом столике стояла золотая умывальница, накрытая белым полотенцем» [4, с. 66]. Из комментариев читатель узнаёт, для чего нужна была эта умывальница: «Царь, дав руку иноверцу, умывался всенародно» [4, с. 66].

Суеверность русских характеризуется как черта тёмного средневекового народа. Колдунью Федосью боялся и верил в её колдовство не только народ, но и сам Борис Годунов: «...и будучи суеверен, также страшился чародейства хитрой и злобной женщины» [4, с. 118]. Обратясь за помощью к Федосье, Борис Годунов поверил всему происходящему: «Не сомневаясь в истине чародейства, не предполагая обмана со стороны Федосьи, не думая, что ей легко было зажечь огонь во внутренности убиенного животного и впустить в корыто гадов, Борис приписывал это силе сверхъестественной, и твёрдо решил истребить мнимых врагов» [4, с. 122]. Борис Годунов, ожидающий помощи от колдуньи Федосьи, противопоставляется в романе образованному Лжедмитрию, который, также желая узнать будущее, обращается к астрологу патеру Савицкому и пытается понять, что предвещает расположение светил на небе.

Кроме того, на суеверность народа указывает и то, что самого Лжедмитрия в Москве называют «чернокнижником» и «волшебником» [4, с. 444]. Няня Ксении Годуновой при его появлении заявляет следующее: «Я знаю силу твою! Все говорят, что ты не только отгоняешь и наводишь недуги, но берёшь на себя всякие образы, прикидываешься невидимкою, летаешь на ковре-самолете, не помню теперь всего... словом, делаешь, что хочешь» [4, с. 444].

Придерживаясь мнения о суеверности и темноте русского народа в начале XVII в., Булгарин переносит любовный сюжет на польскую почву: Лжедмитрий влюбляется в Калерию, делает предложение панне Марине, но его чувство к Ксении ни к чему не приводит. Подобную установку объяснил Булгарин в предисловии к первому изданию: «Не знающие нравов и обычаев описанной мной эпохи, станут, может быть, упрекать меня, зачем я не ввёл в роман любви такой, как изображают её иностранные романисты, почерпая предметы из истории средних веков. Введением любви в русский роман XVII-го века, разрушается вся основа правдоподобности! Русские того времени не знали любви, по нынешним об ней понятиям, не знали отвлечённых нежностей, женились и любили как нынешние азиатцы» [4, с. 9].

Единственный пример прямого сопоставления русских с поляками в пользу последних найден нами в описании быта польских панов: «Посмотрел бы ты, как они живут в своих замках. Что твои кремлевские палаты в сравнении с убранством панских покоев!» [4, с. 289]. Похожим образом можно рассматривать слова священника Михаила об отношении украинцев к полякам: «Напротив, украинцы и казаки весьма привязаны к польскому правлению и не любят так называемых москалей... Донские казаки весьма жалуются на притеснения московских воевод и толпами переходят в Запорожье» [4, с. 188-189]. Ср. [11, с. 42]. Однако в романе высказано и другое мнение. Один из героев – старик, отец кошевого у запорожских казаков, говорит Лжедмитрию: «Паны, при нынешнем короле, сделались сердиты, как волки. Так и мечутся на всякого, кто не их веры! Господь ведает, как это пришло, а прежде этого не бывало. Вот был славный король Степан Степанович Баторий! Любил он казаков, любил и ляхов, и всем делал добро. Были тогда и ляхи добры и жили дружно с казаками. А нынешние ляхи – Бог весть, из чего бьются! Всё бы кланяться им да их Папе. Нам нельзя ужиться с ними, да я думаю и всякому православному тоже мудроно» [4, с. 181 – 182].

В остальных же случаях Булгарин далёк от субъективного отношения к полякам и предвзятого – к русским. Например, Кирилл Хрипунов, три года проживающий в Польше, характеризует поляков как «гордых» и «тщеславных» [4, с. 289]. Можем отметить, что до вторжения Лжедмитрия в Москву как отдельные герои-поляки показаны людьми, располагающими к себе читателя (канцлер Лев Сапега, князь Адам Вишневецкий, гетман Иоанн Замойский и др.), так и в целом образ поляков положительный. Однако как только поляки идут против русской государственности, пытаются завоевать Россию и узурпировать власть, поступки их негативно оцениваются автором романа. Польский дворянин Меховецкий, друг главного героя, признаёт, что желание поляков помочь Лжедмитрию занять русский престол приняло характер разбоя: «И тем более, что наши поляки ведут себя дурно, неприлично, буйно!» [4, с. 462].

Сравнительное изображение русских и поляков не было задачей Булгарина. Современников, утверждавших обратное и упрекавших его в национальной предвзятости, смутила та подробность, с которой Булгарин описывает не только русских и их быт, но и поляков с их обычаями и нравами (в отличие от того же Загоскина, обращённого в своём повествовании только к русским). Основная же идея «Дмитрия Самозванца», пронизывающая весь роман, заключается в том, что только при абсолютной монархии Россия может быть независимым и процветающим государством. Причиной односторонности взгляда рецензентов на «Дмитрия Самозванца» стала сама репутация Булгарина, к началу 1830-х годов уже основательно подорванная его собственными действиями, поэтому современники и подчёркивали его польское происхождение, зная его личные качества.

Таким образом, на раннюю рецепцию романа Булгарина «Дмитрий Самозванец» повлияли как сама личность автора и его литературная и общественная репутация, так и

некоторые особенности литературной критики эпохи романтизма, выдвинувшей требование «народности», активнейшим образом предъявлявшееся к историческому роману.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акимов Н.Н. Ф.В. Булгарин в литературном контексте первой половины XIX века: дисс. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2003. – 459 с.
2. Альтшуллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России: Ист. роман 1830-х гг. – СПб.: Академический проект, 1996. – 341 с.
3. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: кн. 1 – 22. – Кн. 3. – СПб., 1890. – 387 с.
4. Булгарин Ф.В. Дмитрий Самозванец, Исторический роман. – М.: Фирма «Кронос», 1994. – 509 с.
5. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И.Рейтблата. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 703 с.
6. Винокур Г.О. Кто был цензором «Бориса Годунова» // Временник Пушкинской комиссии. – Вып. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 203 – 214.
7. <Дельвиг А.А.> Дмитрий Самозванец, исторический Роман, сочинение Фаддея Булгарина // Литературная газета. – 1830. – Т. I. – № 14. – С. 112 – 113.
8. Денница, альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем. – М., 1831.
9. Денница: Альманах на 1830, 1831, 1834 годы, изданный М. Максимовичем / Сост. В.Н. Касаткиной, Т.К. Батуровой, М.А. Родзаевой. – М.: Век, 1999. – 399 с.
10. Дмитрий Самозванец, Исторический роман, сочинение Ф.В. Булгарина // Карманная книжка для любителей русской старины и словесности. – 1830. – № 4. – С. 541 – 549.
11. Загоскин М.Н. Сочинения: в 2-х т. – Т. I. Историческая проза / Сост., вступ. статья, коммент. А.М. Пескова. – М.: Художественная литература, 1987. – 733 с.
12. Колюпанов Н.П. Биография Александра Ивановича Кошелева: в 2 т. – Т. I. Кн. 1. – М., 1889. – 581 с.
13. <Максимович М.А.??> Ещё несколько слов о Дмитрии Самозванце // Московский вестник. – 1830. – Ч. 2. – № 6. – С. 180 – 192.
14. <Максимович М.А.> Обозрение русской словесности 1830 года // Денница, альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем. – М., 1831. – с. I – LVIII.
15. Манн Ю.В. Русская философская эстетика. – М.: МАЛП, 1998. – 381 с.
16. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: в

- 4 т. – Т. 3. Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита: Р – Я. Псевдонимы греческого и латинского алфавитов. Астрономы, цифры, разные знаки. – М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1958. – 415 с.
17. <Очкин А.Н.> Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Соч. М.Н. Загоскина // Северная пчела. – 1830. – № 7 – 9.
18. Письма М.П. Погодина к С.П. Шевырёву / Предисл. и примеч. Н.П. Барсукова // Русский архив. – 1882. – № 6. – С. 127 – 202.
19. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. – Т. 9. Письма 1815 – 1830 годов. – М.: Современник, 1982. – 701 с.
20. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. – Т. 3. Стихотворения 1827 – 1836 годов. – М.: Вагриус, 2005. – 464 с.
21. Пушкин в прижизненной критике: 1828 – 1830 / Под общ. ред. Е.О. Ларионовой. – СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2001. – 576 с.
22. Рейтблат А.И. Библиографический список книг и статей о Ф.В. Булгарине (1958 – 2007) // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 88. – С. 374 – 390.
23. Сомов О.М. Обозрение Российской Словесности за вторую половину 1829 и первую 1830 года // Северные цветы на 1831 год. – СПб., 1830. – С. 3 – 100.
24. <Ушаков В.А.??> Димитрий Самозванец, Исторический роман, сочинение Фаддея Булгарина // Московский вестник. – 1830. – Ч. 2. -№ 6. – С. 174 – 179.
25. <Шевырёв С.П.??> Димитрий Самозванец, Исторический Роман. Сочинение Фаддея Булгарина // Атений. – 1830. – Ч. 1. - № 6. – С. 548 – 551.
26. Giza, A. Polaczkowie i Moskale. Wzajemny ogląd w krzywym zwierciadle (1800 – 1917). – Szczecin: Pol. pismo i książka, 1993. – 159 s.
27. Ungurianu, D. Plotting history: The Russian Historical Novel in the Imperial Age. – Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, 2007. – 335 p.